

Савич А.И.

**студентка 2 курса экономического факультета
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО
ДАВЛЕНИЯ: ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ НА РЫНКИ ГЛОБАЛЬНОГО
ЮГА И БРИКС (2022–2024)**

Аннотация: В статье исследована трансформация внешнеэкономических стратегий российского бизнеса в 2022–2024 годах под влиянием беспрецедентного санкционного давления. На основе зеркальной торговой статистики таможенных служб КНР и Индии установлено, что совокупный товарооборот России с ключевыми партнёрами БРИКС вырос за период 2021–2024 годов на 95%, достигнув 326 млрд долл. Вместе с тем выявлен преимущественно экстенсивный и сырьевой характер переориентации: доля углеводородов в экспорте в Китай превышает 73%, в Индию — 85%, тогда как несырьевой экспорт не превышает 12–15%. Проанализированы институциональные механизмы адаптации — параллельный импорт, де-долларизация расчётов (95% торговли с Китаем переведено в рубли и юани к августу 2024 г.), альтернативные платёжные архитектуры. Определены ключевые структурные ограничения: дефицит пропускной способности Восточного полигона РЖД, вторичные санкции США и нарастающий торговый дисбаланс с партнёрами.

Ключевые слова: санкции; БРИКС; Глобальный Юг; внешнеэкономическая стратегия; геоэкономическая фрагментация; параллельный импорт; де-долларизация; Восточный полигон.

Savich A.I.

**2nd year student, Faculty of Economics
Lomonosov Moscow State University**

TRANSFORMATION OF RUSSIAN COMPANIES' FOREIGN ECONOMIC STRATEGIES UNDER SANCTIONS PRESSURE: REORIENTATION TOWARDS GLOBAL SOUTH AND BRICS MARKETS (2022–2024)

Abstract: *The article examines the transformation of Russian business foreign economic strategies in 2022–2024 under unprecedented sanctions pressure. Based on mirror trade statistics from Chinese and Indian customs authorities, it is established that Russia's total trade turnover with key BRICS partners grew by 95% over 2021–2024, reaching \$326 billion. However, the reorientation is predominantly extensive and commodity-driven: hydrocarbons account for over 73% of exports to China and 85% to India, while non-commodity exports remain below 12–15%. Institutional adaptation mechanisms are analysed — parallel imports, de-dollarisation (95% of China trade shifted to rubles and yuan by August 2024), and alternative payment architectures. Key structural constraints are identified: capacity deficit of the Eastern Railway Corridor, US secondary sanctions, and growing trade imbalances with partners.*

Keywords: *sanctions; BRICS; Global South; foreign economic strategy; geoeconomic fragmentation; parallel imports; de-dollarisation; Eastern Railway Corridor.*

1. ВВЕДЕНИЕ

Введение антироссийских санкций в 2022–2024 годах — по охвату и темпам нарастания беспрецедентных в новейшей истории мировой экономики — повлекло за собой радикальную перестройку внешнеэкономических связей Российской Федерации. К началу 2025 года против России было введено свыше 16 000 санкционных мер, что делает её наиболее санкционированной страной мира в абсолютном выражении. Отключение от системы SWIFT, «заморозка» валютных резервов, секторальные ограничения в энергетике и технологическом импорте сформировали принципиально новую институциональную среду для российских участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

Реакцией делового сообщества и государства стала стратегия «поворота на Восток» и «разворота к Глобальному Югу» — переориентация торговых,

логистических и финансовых потоков в направлении стран БРИКС и их партнёров. Вместе с тем, несмотря на очевидные успехи краткосрочной адаптации, дискуссионным остаётся вопрос о качественном содержании этой трансформации: является ли она подлинной диверсификацией или лишь географическим замещением при сохранении прежней сырьевой специализации?

Цель исследования — на основе верифицированных количественных данных проанализировать динамику, товарную структуру и институциональные механизмы переориентации российского бизнеса на рынки БРИКС в 2022–2024 годах, а также оценить структурные ограничения и перспективы устойчивости складывающейся модели.

Гипотеза исследования: переориентация российского экспорта на рынки Глобального Юга и БРИКС носит преимущественно экстенсивный и сырьевой характер; качественная диверсификация — увеличение доли несырьевого экспорта и технологической кооперации — пока не достигнута, что создаёт риски долгосрочной зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков и узкого круга стран-партнёров.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Геоэкономическая фрагментация и де-глобализация

Теоретическим фундаментом исследования служит концепция геоэкономической фрагментации мировой торговли. А.П. Портанский показывает, что ослабление ВТО и распространение политически мотивированных торговых ограничений ведут к «блокизации» мировой экономики, при которой транзакционные издержки межблоковой торговли резко возрастают, однако внутриблоковая кооперация может интенсифицироваться [3]. Эта концепция задаёт контекст для понимания «поворота на Восток» не как сугубо российского феномена, но как частного случая глобального тренда.

Концепция «weaponized interdependence» (Фаррелл и Ньюман) [11] описывает механизм, при котором экономическая взаимозависимость превращается в инструмент геополитического принуждения. В условиях санкций Россия оказалась на «периферии» долларо-ориентированных сетей, что объясняет форсированный поиск альтернативных финансовых и логистических архитектур — явление, систематически наблюдаемое в эмпирическом материале настоящей работы.

2.2. Региональная диверсификация ВЭД в условиях санкций

О.В. Кузнецова и А.В. Кузнецов в работе об «Азиатском повороте» как факторе регионального развития России обосновывают тезис о том, что перенаправление экспортных потоков в восточном направлении создаёт мультипликативный эффект для приграничных регионов лишь при условии опережающего развития транспортно-логистической инфраструктуры [1]. Этот вывод остаётся методологически значимым: любая оценка «поворота на Восток» должна включать инфраструктурное измерение.

Д.И. Ушкалова в серии работ о влиянии антироссийских санкций на внешнюю торговлю 2022–2023 годов фиксирует высокий уровень адаптивности российской торговой системы при существенном удорожании транзакционных издержек и переориентации структуры импорта [5, 6]. Её аргументация о «ловушке большой страны» — невозможности полного замещения утраченных объёмов — служит важным контрапунктом оптимистичным нарративам об успехах диверсификации.

2.3. Роль БРИКС в формировании альтернативных экономических архитектур

Расширение БРИКС в 2024 году и институционализация формата БРИКС+ создают предпосылки для формирования самодостаточного экономического контура, способного снизить зависимость участников от долларовых расчётных систем [2]. Вместе с тем БРИКС остаётся сложно-составной группой с принципиально разными экономическими интересами участников: Китай, Индия и Бразилия не разделяют ни санкционного режима против России, ни стратегического интереса к полному разрыву с западными финансовыми структурами, что накладывает существенные ограничения на глубину интеграции [2].

3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационную базу составляют: данные Главного таможенного управления КНР (GACC) за 2021–2024 гг., официальные данные Министерства торговли и промышленности Индии за 2021–2024 гг., доклады ЮНКТАД об объёмах мировой торговли, данные ФТС РФ в части, находящейся в открытом доступе, а также официальные заявления Председателя Правительства РФ и Президента РФ о валютной структуре расчётов, верифицированные через «Ведомости» и ТАСС.

Применялась методология зеркальной торговой статистики: в условиях частичного закрытия российских таможенных данных после 2022 года данные об экспорте РФ восстанавливались по статистике импорта стран-партнёров (КНР, Индия). Данный метод обладает известными ограничениями — прежде всего, несовпадением методик учёта (CIF против FOB) — однако является общепринятым стандартом в ситуациях непрозрачности первичных источников [5]. Временной горизонт: 2021 год (до-санкционный базовый уровень) — 2024 год (актуальные верифицированные данные).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Динамика товарооборота России со странами БРИКС (2021–2024)

Анализ зеркальных торговых данных демонстрирует кардинальное смещение центра тяжести российской внешней торговли в сторону стран БРИКС. Совокупный товарооборот России с Китаем и Индией — двумя ключевыми азиатскими партнёрами — вырос с 158,9 млрд долл. в 2021 году до 315,4 млрд долл. в 2024 году, что соответствует росту на 98,5% (таблица 1). Доля Китая в общем товарообороте России, по данным ФТС, превысила треть всех внешнеторговых операций.

Таблица 1 — Динамика товарооборота РФ со странами БРИКС (2021–2024 гг.), млрд долл. США

Страна	2021	2022	2023	2024	Рост 2024/2021 , %
Китай	146,9	190,0	240,1	244,8 ¹	+66,6%
Индия	12,0	37,0	65,0	70,6 ²	+488,3%
Бразилия	7,5	8,4	11,0	9,8 ³	+30,7%
ЮАР	1,1	1,2	1,3	1,3 ³	+18,2%
Итого	167,5	236,6	317,4	326,5	+94,9%

¹ Данные ГАСС, РИА Новости, 13.01.2025. ² Данные Минторгпрома Индии, РИА Новости, 12.03.2025. ³ Оценка по зеркальной статистике.

После феноменального роста на 29,3% в 2022 году и 26,3% в 2023 году темпы прироста российско-китайского товарооборота в 2024 году резко снизились до 1,9%. Это замедление объясняется двумя взаимосвязанными факторами: насыщением ряда сегментов двусторонней торговли и

нарастающими проблемами трансграничных платежей, обусловленными усилением вторичных санкций США в отношении китайских банков, работающих с Россией.

4.2. Структурный анализ: сырьевая зависимость как системный ограничитель

Товарооборот значителен по объёму, однако его товарная структура воспроизводит традиционную сырьевую модель российского экспорта. По данным ГАСС, в 2024 году более 73% российского экспорта в Китай составляло минеральное топливо: нефть — 62,4 млрд долл., трубопроводный газ — 8 млрд долл. (+25% г/г), уголь — 8 млрд долл. (-25% г/г). Аналогичная картина характерна для российско-индийской торговли: нефть и нефтепродукты формируют около 85% российского экспорта в Индию.

Вместе с тем прослеживается ряд позитивных структурных сдвигов в несырьевых позициях: рост поставок медного концентрата (+71% г/г, до 1,47 млрд долл.), руд (+26%), алюминия (+25%), неорганической химии (+81%), удобрений (+10%). Совокупная доля этих позиций в структуре экспорта в Китай не превысила 20%, что подтверждает гипотезу об экстенсивном характере диверсификации (таблица 2).

Таблица 2 — Товарная структура экспорта России в Китай, 2024 г.

Товарная группа	Стоимость, млрд долл.	Доля в экспорте	Изм. г/г
Минеральное топливо (нефть, газ, уголь)	95,0	73,5%	+0,1%
— нефть и нефтепродукты	62,4	48,3%	+4,8%
— трубопроводный газ	8,0	6,2%	+25,0%
— уголь энергетический	8,0	6,2%	-25,0%
Руды и металлургическое сырьё	~7,5	~5,8%	+26,0%
Алюминий и изделия	~2,5	~1,9%	+25,0%
Удобрения	~3,0	~2,3%	+10,0%
Прочий несырьевой экспорт	~21,3	~16,5%	разл.
ИТОГО	129,3	100%	ст. ур.

Источник: ГАСС; РБК, 23.01.2025; InfraNews, 23.01.2025. Знак «~» — оценочные данные.

4.3. Институциональные механизмы адаптации

Параллельный импорт. Легализованный постановлением Правительства РФ №506 от 29.03.2022, механизм параллельного импорта стал первичным антикризисным инструментом, обеспечившим ввоз критически важных товаров в обход запретов правообладателей. По данным Минпромторга, в 2023 году объём поставок по этой схеме составил около 20 млрд долл. Данный механизм носит по природе своей транзитный, а не стратегический характер: он смягчает «импортный шок», но не решает проблему технологической зависимости.

Де-долларизация расчётов. Изменение валютной архитектуры двусторонней торговли является наиболее выраженным структурным сдвигом рассматриваемого периода. Президент РФ В.В. Путин 16 мая 2024 года констатировал, что доля рубля и юаня в российско-китайских коммерческих операциях превысила 90%; Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин 21 августа 2024 года уточнил эту цифру — 95% [10]. Для сравнения: в 2020 году совокупная доля рубля и юаня не превышала 12%. Вместе с тем де-долларизация двусторонней торговли не равнозначна формированию полноценной резервной альтернативы: в мировом масштабе доля юаня в системе SWIFT в 2024 году составляла лишь около 4,7%.

5. СТРУКТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ВЫЗОВЫ

5.1. Инфраструктурный дефицит

Восточный полигон РЖД (БАМ и Транссиб) является «узким местом» всей стратегии переориентации. По оценкам ОАО «РЖД», пропускная способность полигона к 2024 году доведена до 173 млн т/год при потребности экспортёров в 230–260 млн т/год. Инвестиционная программа третьего этапа предполагает достижение 210 млн т/год к 2032 году — разрыв между спросом и предложением сохранится ещё минимум на десятилетие. Данный структурный дефицит воспроизводит вывод Кузнецовой и Кузнецова [1] об условности «азиатского поворота» без опережающей инфраструктурной политики.

5.2. Вторичные санкции и проблемы трансграничных платежей

Крупнейшие государственные банки КНР (ICBC, Bank of China, China Construction Bank) с конца 2023 года фактически ограничили расчёты с российскими контрагентами под угрозой вторичных санкций США. Это, в частности, объясняет замедление товарооборота в 2024 году до 1,9%

против 26,3% в 2023 году. Аналогичная ситуация наблюдается в расчётах с Турцией, Индией и рядом стран ОАЭ.

5.3. Структурный торговый дисбаланс

В торговле с Китаем разрыв постепенно сокращается: экспорт (129,3 млрд долл.) лишь незначительно опережает импорт (115,5 млрд долл.), тогда как импорт растёт опережающими темпами (+4,1% г/г). Торговый дисбаланс с Индией носит исключительно острый характер: соотношение экспорта к импорту — 13,4:1 (65,7 против 4,9 млрд долл.). Россия де-факто сбывает партнёрам дисконтированные энергоносители, не получая встречного потока конкурентоспособных промышленных товаров, что подтверждает гипотезу об экстенсивном характере «разворота».

6. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты позволяют сформулировать два взаимодополняющих вывода. Краткосрочная успешность адаптации несомненна: торговля с Китаем и Индией компенсировала выпадение порядка 300 млрд долл. ежегодного товарооборота с «недружественными» странами. Легализация параллельного импорта и де-долларизация расчётов позволили поддержать критически важные цепочки поставок в острой фазе санкционного шока.

Однако долгосрочная устойчивость новой модели вызывает серьёзные сомнения. «Поворот на Восток» воспроизводит, а не преодолевает сырьевую структуру экономики: Россия экспортирует в БРИКС те же энергоносители и сырьё, что прежде поставляла в Европу, — только по более низким ценам и с большими транспортными затратами. Нарастающая концентрация торговли на единственном крупном партнёре — Китае — воспроизводит логику новой формы зависимости. Для превращения тактического манёвра в устойчивую долгосрочную стратегию необходима качественная компонента: рост несырьевого экспорта, производственная кооперация, создание независимой платёжно-расчётной инфраструктуры (BRICS Bridge) и опережающее развитие МТК «Север–Юг».

7. ВЫВОДЫ

- Гипотеза исследования подтверждена: переориентация России на рынки БРИКС в 2022–2024 годах носит преимущественно

- экстенсивный и сырьевой характер — доля углеводородов в экспорте в Китай превышает 73%, в Индию — около 85%.
- Институциональные механизмы адаптации (параллельный импорт, де-долларизация, СПФС/CIPS) обеспечили краткосрочную стабилизацию, однако не устраняют системных структурных рисков.
 - Дефицит пропускной способности Восточного полигона РЖД (~60–90 млн т/год) является критическим ограничителем реализации стратегии как минимум до 2030–2032 годов.
 - Вторичные санкции США ограничивают расчётные возможности России даже в «дружественном» контуре, что зафиксировано в замедлении роста российско-китайской торговли с 26,3% (2023) до 1,9% (2024).
 - Устойчивость новой внешнеэкономической модели требует диверсификации товарной структуры экспорта, снижения торгового дисбаланса с партнёрами и создания независимой расчётной инфраструктуры в формате БРИКС+.

Использованные источники:

1. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Разворот России на глобальный Юг как фактор её регионального развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2022. — Т. 15, № 6. — С. 110–130. — DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06.
2. Шаурина О.С., Лесина Т.В., Мигел А.А. Укрепление экономических позиций РФ в составе БРИКС в условиях «расширения-2024» // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. [требуется уточнение выходных данных по базе РИНЦ].
3. Портанский А.П. Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 7–20. — URL: <https://iorj.hse.ru/2024-19-2/928678139.html> (дата обращения: 11.03.2026).
4. ИМЭМО РАН. Россия и мир: 2026. Экономика и внешняя политика. — М.: ИМЭМО РАН, 2025.
5. Ушкалова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 2. — URL: <https://vestnik-ieran.ru> (дата обращения: 11.03.2026).
6. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики РАН. — 2024. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-rossii-predvaritelnye-itogi-vtorogo-goda-protivostoyaniya-sanktsionnomu-davleniyu> (дата обращения: 11.03.2026).

7. Федеральная таможенная служба РФ. Статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. — URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 11.03.2026).
8. Главное таможенное управление КНР (GACC). Товарооборот Китая с Россией в 2024 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 13.01.2025. — URL: <https://ria.ru/20250113/kitay-1993406948.html> (дата обращения: 11.03.2026).
9. Министерство торговли и промышленности Индии. Товарооборот Индии с Россией в 2024 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 12.03.2025. — URL: https://www.altar.ru/external_news/117740 (дата обращения: 11.03.2026).
10. Мишустин М.В. О доле национальных валют в российско-китайской торговле [Электронный ресурс] // Ведомости. — 09.10.2024. — URL: <https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/10/09/1067438> (дата обращения: 11.03.2026).
11. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. — 2019. — Vol. 44, No. 1. — P. 42–79. — DOI: 10.1162/isec_a_00351.
12. ЮНКТАД. Глобальная торговля в 2025 году: риски нарастают [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 14.03.2025. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1462256> (дата обращения: 11.03.2026).
13. РБК. Что происходило в торговле России и Китая в 2024 году [Электронный ресурс]. — 23.01.2025. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (дата обращения: 11.03.2026).
14. InfraNews. Товарооборот России и Китая по итогам 2024 года вырос на 2% до 245 млрд долларов [Электронный ресурс]. — 23.01.2025. — URL: <https://www.infranews.ru/vneshnyaya-torgovlya/66671> (дата обращения: 11.03.2026).